

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поп Минчо Кънчев. Видрица. С., 1983—1985.

² Татарлиев. Речник на редки, остарели, диалектни, чужди думи и изрази: Поп Минчо Кънчев, Видрица. С., 1983—1985.

³ Народна библиотека "Кирил и Методий". Български исторически архив. София.

⁴ Татарлиев. Указ. соч. 699.

⁵ Там же, 703.

⁶ Подробнее об этом расширителе см.: *Szymański. Derivacja czasowników onomatopeicznych i ekspresywnych w języku bułgarskim. Wrocław etc. 1977. 50.*

⁷ Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София, I. С. 1890, 35, 656; Велес.

⁸ Материали за български ботаничен речник. С., 1939, 144.

⁹ Младенов М. Говорът на Ново село. Видинско. С., 1969. 245.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ДА — Диалектен архив на Института за български език при БАН.

А.Ф. Журавлев

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

"ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ"

****agľǫjǫ/**jagľǫjǫ (1, 53)**

Реконструкция этой праформы в ЭССЯ, признаваемая О.Н. Трубачевым проблематичной, опирается, в сущности, на единственное свидетельство словаря В.И. Даля: восточнорусск. *яглы́й, яглая земля* 'тучная, черная почва, чернозем'. Думается, что имеется возможность более простого объяснения, чем через поиск связей с лит. *uõg-lis* 'однолетний побег, росток', далее — с лит. *uõga* 'ягода', слав. **agoda* 'ягода' и т.д. или же с лит. *jẽgti* 'мочь, быть в состоянии', *jẽgà* 'сила'.

Прилагательное *яглы́й*, скорее всего, является фонетическим вариантом слова *дъяглы́й* 'сильный, здоровый, крепкий; здоровый, породный; работающий' (псков., сев.; см. Филин 8, 305), производного от глагола *дъягну́ть* 'становиться сильнее, здоровей, лучше, крепче; расти' (арханг.-помор., сев., новг., там же), см. **dęgnąti* (ЭССЯ 5, 26).

Ослабление смычки у *d* перед гласными переднего ряда, фонетическая замена *d* на *j* — не такая уж большая редкость в славянских языках и диалектах: ср. **dęsno, *dęslo* 'десна' — чеш. диал. *jásno*, словац. диал. *jasno*, полаб. *jasna* (наряду с *d'ąsna*) мн., укр. *јсна, ясла, јсна* мн. (ЭССЯ 5, 26; Machek² 111; Фасмер I, 506); **dętelъ, *dętelina* — чеш. *jetel* 'клевер', диал. то же, 'дятел', чеш. *jatelina*, словац. *jatelina, jat'el'ina* 'клевер' (ЭССЯ 5, 27; Machek² 111. 224), укр. диал. *јтел. ятол, ятлик* 'дятел' (ЕСУМ 2, 154), блр. диал. *этылына* 'кашка, дикий клевер' (Народная словатворчасць, 144, ср. *дзяцеліна*), многочисленны украинские, а также южнорусские и словацкое йотовые отражения инициального согласного основы **dętel-/ *dętyl-* на карте № 20 "Дятел" 1-го выпуска Лексико-словообразовательной серии Общесла-

вянского лингвистического атласа (ОЛА 1988); рус. диал. *ербалызнуть, ерболызнуть, ербулызнуть* 'сильно ударить; выпить водки' (Филин 8, 365), наряду с *дербалызнуть, дербулызнуть* 'сильно ударить; упасть; поесть, пожрать' (там же, 6).

Решающим, на наш взгляд, аргументом в пользу признания прилагательного *яглый* фонетическим вариантом прилагательного *дъяглый* является замечательный параллелизм наименований сныти (и некоторых других растений семейства зонтичных): рус. *дъяглица* и *яглица* (см. Даль² I, 512; IV, 246, 672), укр. диал. *дъяглиця* и *яглиця* (ЕСУМ 2, 152—153).

Таким образом, статью ****aglʲjʲ/**jaglʲjʲ** в ЭССЯ можно считать несостоявшейся, а ее материал перенести в позицию ***degʲjʲ, *degʲjʲ** (5, 25).

***batogʲ (1, 165)**

Отглагольную природу этого имени неопровержимо доказывает переключка специализировавшихся значений рус. диал. *batogʲ* 'часть пета, бьющая по снапам, било; палка для околачивания льна; длинный шест, используемый в зимней подледной ловле рыбы для прохода сети подо льдом от одной полыньи к другой' (Филин 2, 145) и глаголов *батовать* 'вторичным обмолачиванием очищать зерно от оболочек и пленок'; *батать, ботать* 'бить по воде багром или батаухой (!) для того, чтобы испугать рыбу и загнать ее в сети' (там же, 142; ср. еще выразительные варианты слова *батауха* 'полый деревянный стаканчик на палке, которым ударяют по воде во время рыбной ловли, чтобы испугать рыбу' — *батаха, батуха*, там же, 142, 147).

***besědʲ/*besědʲ (1, 213)**

Кроме упомянутого в аналитическом разделе статьи гидронима *Бёседь*, приток Сожа, система Днепра, ср. блр. топоним *Бёседзь/Бёседь*, с. Ватковского р-на, неподалеку от устья р. Бесели (Жучкевич, 27). Исключительно сербохорватско-белорусская реликтовая параллель?

О.Н. Трубачев не оговаривает, что проприативное, гидронимическое употребление ***besědʲ** работает в пользу его этимологической трактовки этого слова и его морфологических вариантов, отрицающей присутствие в них приставки *bez-* (***besěda** — 'место сидения', ср. общеизвестную синтагматическую связь глагола 'сидеть' с топографическими терминами и особенно с гидронимами: "...сѣли суть Словѣни по Дунаеви...", "...и сѣдоша на Висль..." и т.п., далее — семантику оседлости).

***bez(j)ьть?**

Статьи в ЭССЯ нет. Заголовочная реконструкция может быть осуществлена на основе редкого рус. диал. *безьмь* 'бедность, нужда' (Словарь брянских говоров 1, 40), имеющего облик достаточно архаичного образования (ср. **bezdobʲ, *hezʲpʲnʲ, *bezvěstʲ* и т.п.). Сложение

приставки *bez-* с именной базой **jьть* (см. ЭССЯ 8, 229: **jьть/*jьть*) — производным от глагола **ęti*, **jьтq*, **jьтати*, отразившимся в др.-рус. *емь*, рус. диал. *имь* 'ручное домашнее животное', арханг. (собственно — 'имуущество, владение, имение'), 'жмурки', псков., твер. (Филин 12, 195).

**bezvěky(jь)* (2, 51)

Кроме перечисленных свидетельств ср. еще укр. *бэзвік* (ЕСУМ 1, 397).

О.Н. Трубачев комментирует рус. *безвечный* 'вечный, бесконечный во времени' и укр. *безвічний* то же замечанием о любопытности случая, в котором "отрицание выступает в роли усиления".

К сожалению, это неверно: с образцами употребления отрицания в усилительном значении, описанными Н.И. Толстым в статье "Не — не не", эти случаи ничего общего не имеют. Отрицание *без-* выступает здесь в собственной роли при слове *век* (*вік*) в значении 'срок жизни' (ср. *долгий век*, *век недолог*, *изжить век*, (*весь*) *свой век*, *на мой век* и т.п.) для снятия семантики предельности, ограниченности, то есть прямо противоположной тому значению, в котором употребляется современное слово *вечный*. Семантический момент о-пределенности, отмеренности, конечности у слова **věky*, очевидно, является более ранним, чем значения бесконечности, "вечности", ср., например, попытки объяснения генезиса значения бесконечности из, казалось бы, противоположного у Е. Гавловой: "...'навек' ('в течение моей жизни' — это для меня 'навсегда, вечно')"².

**běni?/*běnyku* (2, 87)

Русский материал (собственно, только яросл. *бэни* 'накладка на телегу в виде санок, для перевозки сена, соломы'), по всей видимости, может быть расширен за счет привлечения сюда диал. (моск., пенз., вят., симб., влад., нижегор., костром., яросл.) *бяны* мн. ч., *бянка* ед. ч., *бянки*. *бяньки* мн. ч. 'двузубые или трехзубые деревянные или железные вилы для уборки соломы, разравнивания скошенной травы, разбрасывания навоза и т.п.' (Филин 3, 360). Ср. также форму *бенкѹ* (там же, 2, 242), но лишь имеющую при себе отсылку к словарной статье *бянки*, где эта форма (и, разумеется, ее значение) не приведена. Значению русских слов ('вилы') не противоречит семантика старочешского соответствия *běnyku*, *bienku* 'мотовило, сновальная мялка'.

Этимологическая связь всех этих слов с **biti* может быть подтверждена глаголом волог. *бенѣть* 'ударить мячом в игрока (при игре в мяч)' и особенно *figura etymologica* донск. *беньки бить* 'бездельничать' (Филин 2, 242).

**bojь* (2, 167)

Из перечня значений славянских продолжений **bojь* выпадает одно из значений укр. *бий* — 'боязнь, страх', очевиднейшим образом относящееся к континуантам праслав. **bojati* (*se*), с **biti*, связанного на предыдущих этапах формального и семантического развития.

**bolgo* (2, 173), **bolgъ(jь)* (2, 174)

Украинский язык в списке отражений праслав. **bolgo* может быть представлен наречием (из предложно-падежной формы) диал. *не-з-болóга* 'не с добра' (ЕСУМ 1, 203). Не отражен и русский материал: диал. *бологóй* 'старый, больной' (: "Уйдí *атсéдава!* Ты *балагóй!* Ёта састáрился, забалéфший, худóй то исть" — Псковский областной словарь 2, 87), *бологóе*, в знач. сущ-ного, 'добро, хорошее' (: "Ни г *благому*, г дождю летаютъ ластьчыки, ни г дабру" — Словарь брянских говоров 1, 67), название города *Бологóе* на Тверской земле.

**boliti?* (2, 175)

Реконструкция может быть дополнена формой **bolěti* (омонимичной к **bolěti* 'болеть, испытывать боль'), ср. рус. диал. *бóлеть* 'становиться больше, расти, увеличиваться' (орл., курск., тул., Филин 3, 74; по нашим записям — также жиздр. калуж.).

**bratrъnjь* (3, 7)

Не следует ли сюда же отнести и просторечные и диалектные формы рус. *братéльник*, *братённик* и под., ср. еще *брáтел(ь)ко* (см. Филин 3, 154 и след.; Арханг. словарь 2, 104), блр. *браценник*, *брацельник* 'двоюродный брат'³, предположив в них результаты диссимилиации (*p...p* → *p...л*, *p...н*)?

**bridati* (*se*) (3, 25)

В связи со значениями болг. и с.-хорв. примеров ('расплетать; выдергивать нити из ткани') не имеет ли сюда отношение укр. диал. *брі-ді* 'способ вышивания', признаваемое в ЕСУМ (1, 255) этимологически неясным?

**bukariti* (*se*) (3, 87)

Утверждается, что произволящая форма, имя деятеля **bukarь* помимо болг. диал. *букáр* 'кабан, хряк' "из других слав. языков пока неизвестно". Очевидный просмотр: ср. рус. диал. *букáрь* 'насекомое, букашка' (иван.), прозвище крестьянина (новгор., Филин 3, 264).

**bulыць* (3, 94)

Одно из цитируемых значений рус. диал. *булыч* — 'молодой и плохой квас; квас или брага на второй воде, второй налив на одну и ту же гущу' (влад., вят.) — замечательно соотносится со значением перм. *булыч*, *булысь* 'пасмурная погода с большой влажностью в воздухе' (Акчимский словарь I, 98). Ср. анализ семантики славянской метеорологической терминологии у Т.В. Горячевой, хорошо показавшей, что "сфера понятий, относящихся к пасмурной, дождливой погоде, облакам, тесно соприкасается со сферой понятий, связанных с процессами скисания молока, брожения пива, кваса, теста и т.д."⁴.

Отглагольная природа этого — первоначально — прилагательно-го подтверждается наличием существительного *исчáдие* (*jьčęđьje, трактовка которого в ЭССЯ (9, 23), на наш взгляд, неудовлетворительна).

Ввиду возможного русского происхождения блр. *чарцѣж* 'чертеж', приводимого в статье, следует включить собственно блр. топоним *Чърцеж/Чѣртеж*, с. Жлобинского р-на (Жучкевич, 403), прямо связанный с терминологией примитивной землеобработки.

Возможно, заголовки этих статей должны включать на правах вариантов конструкций образования с парной именной основой *dъrv- (.../*dъrvodel'a, .../*dъrvьce, .../*dъrvьнь(jь)). Ср. болг. *дърводѣлец* 'ремесленник-деревообработчик, плотник, столяр', диал. 'дятел', *дърводелство* 'столярное дело', *дърводѣлница*, диал. *дърводелня* 'столярная мастерская'; *дръвѣ*, *дръвчѣ* 'деревце'; *дървен* 'деревянный, древесный' (БЕР I, 458, 459, 473), развивающие основу, отношениями вариантности еще индоевропейского характера связанную с основой заголовочных праформ.

Некоторые значения *dęđь и его ближайших производных в восточнославянских языках, не отмеченные, впрочем, в ЭССЯ, могут служить дополнительным аргументом в пользу наличия этимологической связи между славянскими названиями воробья и техническим термином рус. *вороб(а)*, *воробы* 'мотовило' и под.⁵

Наряду со значением 'моталка, приспособление для перематывания пряжи в клубки' (сходные технические значения, в которых присутствует семантический элемент 'вращение', отмечается у укр. диал. *dido*, блр. диал. *дзедбк*, *дзядбк*, рус. диал. *дѣдко*, ср. также *дѣд* 'деревянный поплавок в виде крестовины...' при том, что крестовина — характерная форма мотовила; см. ЕСУМ 2, 23, 24, 87; Лексика Полесья, 207; Народнае слова, 206; Филин 7, 328, 330)⁶, укр. диал. *дѣбк* (и *дѣбчок*) имеет и орнитологическое значение 'вид мелкой птицы, похожей на воробья' (ЕСУМ 2, 23: "мотивация названия неясна").

Этимологию этого слова О.Н. Трубачев ставит в зависимость от предполагаемого наиболее вероятным развития его значений 'милый, дорогой, любимый' — 'дорогостоящий'. Этот семантический вектор, постулируемый на основе синонимичности праслав. *dorgь и *milь, подтверждается соположением обоих прилагательных в *dorgomilь 'любимый, любезный сердцу'. Однако такое предположение в какой-то

степени ослабляется наличием сложения **dorgocěньъjъ* 'доргостоящий, недешевый', рисующего допустимость семантической эволюции **dorgъ* в прямо противоположном направлении — от 'ценный' к 'любимый'.

dqbrava*/dqbrova* (5, 93)

О.Н. Трубачев для прямого связывания заголовочной формы со словом **dqbъ* 'дуб' видит препятствие в производных значениях типа рус. *дубрѡва* 'трава; покос'.

Препятствие здесь совершенно мнимое. Ср.: "В Полесье часто сено называется по тому географическому объекту, на котором оно скошено, т.е. оно может именоваться так же, как географический апеллатив или даже как топоним. В Симоновичах могут сказать: *γрудá дав корѡвы* 'я дал корове "груда"', или — *дав болѡта коровы*... Здесь мы наблюдаем явление, аналогичное возникновению марок вин типа *бордо, малага* или *цинандали*... нередки случаи, когда название определенного географического объекта (например, *дуброва*) [в данном говоре. — А.Ж.] исчезает, а название травы остается... Это явление характерно не только для Полесья, но и для всего славянского мира"⁷ далее следуют иллюстрации: **dqbrova*, **grqđъ*, **bolto*, **bergъ*, **galo*, **lqka*, **lqdo* и др.).

**e* (6, 7)

Опущены белорусское и — целиком — западнославянские междометия (также модальные частицы и союзы), возводимые к праслав. **e* (см. хотя бы ESSJ 2, 182—184). Непринятие их во внимание не мотивируется. Случайный пробел?

**e* *sb*, **e* *se* (6, 8)

При включении в перечень рефлексов др.-рус. *ose* и укр. *ось* нет оснований для игнорирования рус. диал. *вѡсѣ* 'вот, вон', *вось* 'вот, вон' (Филин 5, 130, 153), блр. *вось* част. (указ., усил.) 'вот; -то; то-то; вот так' (Белор.-русс. словарь² I, 240). По-видимому, сюда же в таком случае имеют отношение рус. диал. *осѣй* 'позавчера; три дня тому назад' (ворон), *осѣйко* 'недавно, на днях' (влад., Филин 23, 358, 359), многочисленные рефлексy с протетическим *в-* практически на всей великорусской территории (Филин 5, 130—133, 153, 156). См. еще ESSJ 2, 542—543.

**e* *тъ*, **e* *та*, **e* *то* (6, 8)

Не включены др.-рус. *ото* част. 'вот' (СлРЯ XI—XVII вв. 13, 286), рус. *вот*, диал. *вѡто* 'вот' (Филин 5, 159), укр. *отѡй*, *отá*, *отѣ* 'тот, та, то; вон тот, та, то; этот, эта, это' — аналогично предыдущему (хотя, вероятно, им будет посвящена самостоятельная словарная статья с **o* в качестве начального компонента сочетания).

**готъь* (7, 21)

Непонятно, почему **готъ*, с которым связано заглавное слово и предыдущие производные формы (**gomola...*, **gomolъka...*, **gomoněti...*, **готопъ*, **готола...*), определено как "незасвидетельствованное": *гом* (южн.), *гомъ* (ряз.) 'крик, шум, смех, говор, громкая ссора, нестройные и шумные голоса' (Даль² I, 373), чему посвящена и специальная статья у Фасмера (Фасмер I, 435).

харобульѣ?*/харобура?* (8, 20)

Ср., возможно, сюда же, рус. диал. *харабѣрья* 'мохры, края обитой одежды' (Даль² IV, 542), *харабѣры* 'оборванные края одежды' (Фасмер IV, 223, с отсылкой к *фалбалѣ* 'оборка' из франц., итал. *fal-bala* то же). В качестве материала для сомнений по поводу соображений М. Фасмера ср. фамилию *Харабѣров*. Возможно, заимствованное *фалбала* контаминировало с русским словом, родственным приведенным в ЭССЯ чешским и словинской лексемам.

**жъкно* (8, 216)

Ср. еще в.-луж. *жъкрно* 'икра' (Трофимович, 73), которое наталкивает на еще одну возможность истолкования в.-луж. *жъкно* — через допущение исчезновения ослабленного *-r-* при стечении согласных, как в *жътну* 'утренний' < *жътрну* то же. Или же *жъкрно* — контаминативное образование?

**ковъникъ* (10, 103)

Среди довольно однородных значений 'предсказатель, гадатель', которые можно отнести к книжной традиции, обращает на себя внимание замечательное вят. 'кузнечик', косвенно подключающее сюда тему связи в народных представлениях кузнеца с нечистой силой и колдовством, свидетельства чему весьма многообразны, от лексических (ср. *ковать* — *коварный*, *кознь* и т.п.) до литературных (ср. образ героя гоголевской "Ночи перед Рождеством").

**кодъра* (10, 107)

Часть рус. диал. фиксаций слова *кѣндра* 'ссора, вражда' может быть видоизменением слова *кѣнтра*, *кѣнтры* 'вражда', ср. в *кѣндрах* 'в ссоре' (1924!, Филин 14, 247). Несомненно, сюда же, однако, относится не упомянутое рус. диал. *кодря* 'половик, дорожка, вытканная вручную из разноцветных лоскутков' (ставроп., Филин 14, 46), если это не украинизм, ср. цитируемые в ЭССЯ полтавское и полесское свидетельства.

**кокошь* (10, 115)

Сюда же производное блр. диал. *какашѣна* 'то же, что ветраалбой, две доски (или жерди), которые прибиваются к обрешетине с обеих сторон фронтона' (Народнае слова, 221), которое заполняет бело-

русскую лакуну в списке соответствий. К семантике вводимого белорусского слова ср. значение блр. диал. *какóшка* 'своеобразная подпорка для расширения лавки, чтобы на ней можно было постлать постель', цитируемого в статье **kokošьka*, с одной стороны, и архитектурный термин рус. *кúрица* 'стропило; крюк, поддерживающий кровлю' (Даль² II, 223; Филин 16, 128), с другой. По всей вероятности, сюда же и блр. диал. *кокошбцы* мн. 'верхние части ткацкого станка' (Народнае слова, 79).

**koporyje* (11, 22)

Положение о неподтвержденности этого "возможно, древнего сложения" примерами из апеллятивной лексики устарело: сюда же рус. диал. *kəpəróĭ* (**kop-o-rъj-ь*), *kəpəróc* (**ko-p-o-rъj-ьc-ь*) 'крот' (Енино Серпуховского р-на Московской обл., Погорельцево Железнодорожного р-на Курской обл., см. ОЛА Серия лексико-словообразовательная I, карта № 12).

**kodyla/*kodylo* (12, 53)

Приводимое здесь польск. *kudła* далее служит единственным основанием для реконструкции праслав. **kudyła* (ЭССЯ 13, 84). В таком случае в настоящей позиции польский пример разумно опустить.

**krepiti* (12, 123)

Приводимое в статье рус. диал. *кренѹть* 'чинить, исправлять', по всей видимости, следует исключить, отнеся его к континуантам **krěpiti* (см. 12, 132).

**krъnqti* (13, 74)

Некоторые из множества отмечаемых в Филин 15, 368—369 значений рус. диал. *крѹнѹть*, *крѣнѹть*, относимого вслед за Фасмером к праслав. **krętnqti* (см. ЭССЯ 12, 147—148), обнаруживают большую близость к значениям приводимых здесь укр. и блр. форм ('тронуть, прикоснуться, схватить что-либо' и под.). Это результат независимого развития семантики **krętnqti* или же взаимодействия с **krъnqti?*

**kišьta*

Статья в ЭССЯ, видимо, пропущена в результате технического недосмотра. Ср. ссылку на нее на стр. 252 этого же выпуска: (о **кушьта*) "Родственно **kišьta* (см.)."

**kvakъ I* (13, 148)

Нельзя ли к единственному здесь сербохорватскому примеру со значением 'крюк, зацепка' (ср. значения 'крюк; клюка, багор; дверная ручка' и под. у макед., с.-хорв., словен., словац., в.-луж. отражений праслав. **kvaka I*—ЭССЯ 13, 147) присоединить укр. диал. *квак* (пре-небр.) 'мужик, мурло' (ЕСУМ 2, 414: "аффективное образование")?

В отношении значения ср. употребление применительно к людям слов *кочерга, клюшка* и под.

**kьlka/*kьlкъ* (13, 188)

Не может ли быть сюда отнесено укр. диал. *кóвки* 'сережки' (ЕСУМ 2, 485: "возможно, результат упрощения слова *ковткі* то же")? Основанием для этого может служить "исходная семантика 'качать, мотать, шатать ...' формально близких экспрессивных глаголов **kьlkatі, *kьlkatі, *kьlлаті*. Надежность сравнения, однако, снижается наличием варианта диал. *ковіки* 'сережки' (там же).

**kьlmatьjь* (13, 189)

Сближение рус. диал. (карел.) *калмáтый* 'безрогий' и блр. *калмáты* 'косматый, лохматый' представляется сомнительным как, во-первых, из-за семантических трудностей, так и, во-вторых, из-за наличия в северновеликорусских и западных русских говорах формы *комлáтый* 'комолый, безрогий' (Филин 14, 233), очевиднейшим образом связанной с *комолый* 'безрогий', далее — с **котьль* (в ЭССЯ, кстати, в отдельную позицию не помещенным, хотя оснований для этого, на наш взгляд, достаточно).

**kьrta I* (13, 220)

Связывая этимологически **kьrta I, *kьrть I* 'корма, задняя часть судна, кормовое весло' с **kьrta II, *kьrть II* 'корм, пища', О.Н. Трубачев прибегает к следующему объяснению: "У истоков значения 'корма, кормовое весло' лежало, думается, уже готовое значение 'корм, скармливаемое'. Можно предположить, что погружение в воду кормового весла — важнейшего корабельного весла — понятийно соприкасалось с магией кормления, задабривания опасной водяной [водной. — А.Ж.] стихии" (с. 221—222).

Принимая постулируемую здесь этимологическую общность как весьма вероятную, нельзя в то же время, на наш взгляд, согласиться с гиперболизацией роли магических представлений (в принципе нами отнюдь не отвергаемой) в данном конкретном случае предметной номинации. Значения 'пища, еда' и 'руль, весло' (→ 'корма') могут быть соотнесены как субстантивные ответвления от крайних звеньев достаточно простой и естественной цепочки глагольных значений 'кормить, пасти' — 'ухаживать, хранить, спасать, печься' — 'вести, направлять (в том числе стало, судно)' (→ 'направлять духовно, наставлять, воспитывать'), представленных в группе славянских глаголов **kьrmiti, *pasti, *xorniti* (ср. сохранение значений 'кормить; еда, корм' у южно- и западнославянских континуантов **xorniti*, производящего для него заимствованного **xorna*, унаследовавших эту семантику от иранского источника, см. ЭССЯ 8, 76—79), **pitati* (ср. *питать: воспитывать*), вплоть до полного семантического слияния в производных значениях имен *пастырь* и *кормчий*. В этом случае не возникает необходимости в натянутых и малоубедительных попытках найти позицию семантической нейтрализации значений 'корма' и 'корм'

в значении 'мотня рыболовного снаряда', — малоубедительных именно в силу излишней наглядности ("мотня как бы завершает рыболовный снаряд, уже приближаясь к понятию кормы, но, будучи набита рыбой, сильно схожа с раскормленной утробой", с. 222).

Значение **kъrta* 'руль, весло' мы рассматриваем, таким образом, как сравнительно позднее и толкуем собственно не как непосредственно ('отрезанная) палка, жердь, часть ствола⁸, а как 'правило', возникшее на базе глагольного значения 'вести, направлять (в частности, судно)'.

**kъrъno* (13, 244)

Удачность попытки объяснить значение 'мех' как вторичное по отношению к "первоначальному" 'плащ' и, исходя из этого, усмотреть этимологическую связь **kъrъno* с **kъrъzina* через семантику 'плетения' ("примитивные плащи вообще могли быть [разрядка наша. — А. Ж.] плетенкой...") резко снижается привлечением сюда производного блр. диал. *карзán* 'летучая мышь' (Тураўскі слоўнік 2,183), далее — укр. диал. *коржан, коржен, куржен* 'летучая мышь'⁹, блр. диал. *карзán* (ОЛА Серия лексико-словообразовательная I, карта № 15). Для наименований летучей мыши в восточнославянских языках характерно ономастиологическое акцентирование кожистости (крыльев): *кожан, скурат, икурат*. Поэтому нам кажется предпочтительным в **kъrъno* первичным считать значение 'кожа, шкура' (ср. приводимый словенский пример: ср. также рифмование с **azъno* 'кожа', см. ЭССЯ I, 103), а более поздним — 'плащ'.

Сомнение вызывают и соображения о плетении плащей: во-первых, простая шкура, используемая в качестве плаща примитивнее плетенки, а, во-вторых, насколько можно понять, рогожные плащи у предков славян — реалия сама достаточно гипотетичная.

**lačiti* (14, 8)

Не может ли приводимое сербохорв. диал. *lačiti* 'производить обрезку виноградной лозы ...' быть болгаризмом или македонизмом? Ср. болг. диал. *лача* (= *лъча* в литературном языке) 'отделять, отлучать; очищать виноград, чеснок, лук, капусту от лишних веток и листьев' (Станкедимитровско, БЕР III, 329). Связывание сербохорватского слова с в.-луж. *lačić so* 'мелнить, выслеживать, идя следом', осуществленное фактически без доказательств ("вторичная специализация древнего охотничьего термина в виноградарском значении ... в общем вероятна") выглядит с точки зрения семантики большой натяжкой.

laъno*/laъna*/**laънь* (14, 22)

Еще рус. диал. *лаино* 'нечистоты во внутренностях животного' (арханг. Филин 16, 248).

Перевод болг. *лайнó* ('эксперименты') по меньшей мере неточен: возможности экспериментирования в данной области деятельности как будто уже исчерпаны.

Вызывают сомнения и сама реконструкция и, далее, связь славянского слова с цитируемыми индоевропейскими (лат., алб.) лексемами.

От укр. *лигати* 'набрасывать веревку на рога вола', *лигатиця* 'сходиться с кем, связываться с кем, соединиться' нельзя отрывать блр. *лыгачь* 'низать; связывать (веревкой, своркой); счаливать', *лыгачца* 'низаться; связываться; счаливаться' (Белор.-русс. словарь² I, 653), *налыгачь* 'нанизать; привязать, навязать (веревкой, своркой); связать вместе' (*налыгачь коней*), *налыгваць* 'нанизывать; привязывать, навязывать; связывать вместе; налавливать, арканить (при помощи петли — многих)', обл. *налыгач* в разн. знач. 'смычок, свора; налыгач' (там же, 739). Территориальных помет к рус. *налыгач* 'часть воловьей упряжи, род повода, веревка, привязанная концами к рогам обоих волов у В.И. Даля² II, 436: "*налагачь?*") не дается. Если приводимые в Филин 20, 25—26 *налыг*, *налыга*, *налыгач* 'ремень или веревка, надеваемая на рога запряженных волов и служащая поводом; веревка с петлей на конце для привязывания или вождения быков, коров и других животных', *налыгач* 'длинный прут, которым погоняют быков', *налыгачный* 'служащий налыгачом', *налыгивать* 'надевать на быков налыгач (повод) или привязывать веревкой за рога быков, коров и т.п.', *налыганый* 'привязанный (о корове, быке)' по своему территориальному распространению (курск., белгор., Дон, Кубань, Терек, Нижняя Волга, Южный Урал, северный Казахстан) могут рассцениваться как результаты украинского влияния (ср. укр. диал. *налыгач* 'поводок': "Вола нельзя продавать вместе с *налыгачем*: не будет водиться хороших волов", то этого нельзя сказать о влад. *лыгача* 'поводок, оборожек, налыгач': "Иногда при продаже скотины "лыгачу, старожок (из мочала) или оброть (узdecka)" продавец старается оставить у себя, не отдавая покупателю"¹¹).

При таких обстоятельствах праславянская реконструкция, если она допустима, должна выглядеть как *****lygati***, *****lygachь***. Впрочем, смущает фамилия *Лигачёв* (не из **Лыгачёв* ли, ср. **lygati*, итератив **lygati?* Или связано с болг. диал. *лигачь* 'несерьезный человек, баловень' — к *лига* 'слюна; слизь; слюнтяй' (БЕР III, 392)?).

Сюда же, несомненно, русская фамилия *Лифарь*, если она не украинского или белорусско-польского происхождения (список отражений заголовочной праформы в ЭССЯ далеко не полон, БЕР III, 437 упоминает также словен., укр., блр., в.-луж. слова; см. еще Трофимович, 109; Филин 17, 76; восточнославянские формы могут быть полонизмами).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой Н.И. "Не — не 'не'" // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А.А. Реформатского. М., 1971, 284—286.

² Гавлова Е. Славянские термины 'возраст' и 'век' на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках // Этимология 1967. М., 1969, 38.

- ³Юрчанка Г.Ф. Народнае вытворнае слова. 3 гаворкі Мсціслаўшчыны. А — Л. Мінск, 1981. 60.
- ⁴Горячева Т.В. К изучению славянской метеорологической терминологии // Этимология. 1984. М., 1986. 43.
- ⁵Журавлев А.Ф. К этимологии слав. **vorb* 'птица Passer, воробей' // Этимология 1978. М., 1980. 52—58.
- ⁶См. также: Дзендзелівський Й.О. Програма для збирання матеріалів до лексичного атласу української мови. Київ, 1987. 194.
- ⁷Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969. 247.
- ⁸Петлева Н.П. Этимологические заметки по славянской лексике. IV. // Этимология 1974. М., 1976. 29.
- ⁹Дзендзелівський. Указ. соч. 227.
- ¹⁰Ястребов В.Н. Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губернии. Одесса, 1894. 8.
- ¹¹Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии. // Этнографическое обозрение, кн. 103—104, 1914, № 3—4. 122.

Х. Шустер-Шевц

СЛАВЯНСКИЕ ПРОТЕЗЫ В СЛУЧАЯХ ЗИЯНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

Славянские языки отличаются от большинства индоевропейских языков, между прочим, еще и тем, что в них получила развитие сильная тенденция к образованию анлаутной протезы в случаях зияния перед словами (морфемами) с гласным началом слова. По мнению большинства исследователей, это явление теснейшим образом связано с получившим начало еще в праславянскую эпоху законом открытого слога (нарастанием звучности). Ход и результаты этого фонетического процесса, приведшего в славянском к образованию различных типов протезы, в общем хорошо известны и соответствующим образом описаны¹. Однако при более детальном диахроническом анализе лексики отдельных языков приходится постоянно сталкиваться с исключениями, которые недостаточно объяснены или как таковые вообще не признаны. Это обстоятельство не могло не отразиться на правильном понимании генетических связей слов, что в ряде случаев, по нашему мнению, привело к ошибочным этимологическим толкованиям. Поэтому необходимо еще раз подвергнуть более тщательному анализу проблему протезы в славянских языках, особо обращая внимание на значение полученных результатов для славянской этимологии и истории языка.

Историческая грамматика славянских языков различает в первую очередь два типа анлаута, а именно *υ* (*v-*, *w-*) и *i* (*j-*), причем самой древней по времени должна быть признана протеза *υ* перед *y*². Она возникла еще до делабиализации и.-е. **ū* ≥ **y*, **ъ*, ср. напр., **vydra* 'выдра' ≤ **ūdrā* (лит. *ūdra* 'выдра', др.-инд. *udrā*-, название водяного зверя), **vytę* 'вымя' ≤ **ūdmen-* (др.-инд. *ūdhar* 'вымя', лат. *uber*